

Рецензируемая книга представляет собой интересное исследование эстетических взглядов поздней античности, прежде всего тех, которые нашли отражение в христианской литературе II—III вв. Автор сосредоточивает внимание на рассмотрении вопроса о соотношении античного и христианского восприятия культуры, о формировании в эти века новой эстетики, получившей в дальнейшем развитие в рамках западноевропейской и византийской культуры. Характерной особенностью исследования В. В. Бычкова и существенным его достоинством представляется мне подход автора к сфере эстетического. Он включает в нее «все в окружающем человека мире (природном, предметном, социальном), выражающее что-либо в чувственно воспринимаемых формах или/и выступающее объектом неутилитарного самодовлеющего созерцания и доставляющее субъекту восприятия духовное наслаждение, как правило, в результате конкретно-чувственного воздействия на его органы восприятия, главным образом на зрение и слух» (с. 7). Подобный подход позволил автору рассмотреть собственно эстетику в тесной связи с общими культурологическими проблемами поздней античности, исследовать эстетические взгляды представителей ранней патристики в широком контексте философии культуры этого сложного переходного периода. Естественно поэтому, что первая глава книги посвящена характеристике основных тенденций развития позднеантичной культуры. Автор показывает своеобразное смещение феноменов культуры, архаических и новаторских, восточных и западных в сферах быта, религии, искусства. Особое внимание уделяется взаимодействию греческой и ближневосточной (библейской) традиции с их различным подходом к миру (пространству и времени), человеку, искусству. Именно на основе этого взаимодействия, по мнению автора, возник ряд новых форм эстетического сознания, нашедшего затем отклик в христианской эстетике. Автор приходит к выводу, что в период поздней античности был обесценен рациональный подход к миру; философия смыкается, с одной стороны, с религией, с другой — с художественным мышлением. Эта особенность позднеантичной культуры и делает столь важным анализ эстетических позиций идеологов раннего христианства, поскольку их эстетика оказывается неразрывно связанной с общим восприятием божества, мира и человека.

Во второй главе книги рассматривается культурология ранней патристики на материале всех дошедших до нас христианских писателей от Юстина до Лактанция. Весьма плодотворной представляется мне мысль автора о том, что апологеты христианства, пытаясь осмыслить как бы «со стороны» основы античной культуры, становились практически на позиции философов культуры, ее теоретиков и исследователей. С этой точки зрения В. В. Бычков анализирует критику античной культуры (религии, этики, философии) и новую религиозно-философскую концепцию, созданную отцами церкви.

Автор показывает, что новый пафос христианского учения заключался в том, что трансцендентность божества возвысила его над миром, а имманентность его, снисхождение до самых низов материального, порочного, греховного возвысила и освятила это материальное, плотское, презираемое. Христианские философы создают свою гносеологию и этику. В условиях существования христианства как гонимой религии складывается новый идеал человека, новый подход к героическому. В этом подходе сказался ригоризм раннего христианства, давшего неизвестный до того «образ „христового воина“, воина-мученика, воина-исповедника, который с огнем и мечом своих противников борется мужеством терпения, смирения, словом правды и добродетели» (с. 145). Образ этот связан с эстетической проблематикой христианства, к непосредственному исследованию которой автор переходит в главе «Искусство и религия». Эта и последующая глава «Новая эстетическая проблематика» представляются лучшими в книге благодаря новизне подхода и содержания. Автор глубоко проникает в мировосприятие ранних христиан и формулирует те его черты, которые определили новое отношение к человеку. Без понимания этого отношения невозможно понять и художественную культуру поздней античности. Именно тогда впервые был поднят голос «в защиту слабого, обездоленного, страдающего человека». Появляется понятие «человечности», примененное не только к духовной элите античного общества, но к любому человеку. Главное назначение человека христианство усматривало в стремлении к тому, что «выше нас». Это новое отношение к человеку, указывает автор, вызревало в культуре эллинизма, ясно

наметилось в этике стоиков и во всей полноте было разработано ранним христианством.

Автор подробно анализирует особенности раннехристианского гуманизма, в частности он раскрывает отношение апологетов к человеческому телу. Если такие писатели, как Арнобий, относились к плоти резко отрицательно (человек не имеет ничего общего с небесными существами), то большинство апологетов, даже ригорист Тертуллиан, утверждали, что душа и тело неразрывно связаны. Автор подробно разбирает взгляды Тертуллиана и Лактанция и показывает, что особенно для последнего свойственно преклонение перед красотой человека как лучшего создания бога. Замечу в этой связи, что в литературе, прежде всего популярной, встречается односторонняя оценка раннего христианства как учения, полностью отрицавшего материальную сторону жизни. Исследование В. В. Бычкова показывает, что христианская антропология была гораздо более сложным явлением.

Заслугой автора является диалектический подход к раскрытию сущности христианского гуманизма. Он говорит о том, что многовековые страдания и унижения большей части человечества древнего мира привели в период кризиса этого мира к осознанию, что без «человечности, без сострадания, без милосердия человеку нет больше возможности жить в своем обличии» (с. 162). Но в то же время В. В. Бычков отмечает ограниченность и социальную несостоятельность этого гуманизма. С точки зрения современного человека «раннехристианский гуманизм слишком слезлив, пассивен, утопичен и ограничен в своих социальных и идеологических основаниях...» этот гуманизм был реакцией на бесчеловечное отношение к угнетенным и бесправным слоям населения Римской империи, но «абстрактность идей христианской „филантропии“, их ориентация на божественную сферу, а не на реальную жизнь общества позволили средневековым политикам и церковным мракобесам организовать под знаменем идей христианского „человеколюбия“ и кровавые крестовые походы, жестокие пытки, и зловещие костры инквизиции» (с. 165).

В связи с новым отношением к человеку автор рассматривает и противоречивое отношение первых христиан к позднеантичному искусству. Он показывает, что христиане порой боролись со старой культурой, используя ее же средства, в частности античную риторику, в своих целях.

В результате анализа христианской критики содержательной и эстетической стороны позднеантичного искусства В. В. Бычков справедливо заключает, что нужно говорить не о глобальном антиэстетизме христиан, но об ином понимании эстетической проблематики: «Христианству надо было прежде отказаться от античной эмоциональности и аффективности искусства, чтобы затем вернуться к ним уже в структуре новой эстетики» (с. 200). Новая эстетическая проблематика и рассматривается автором в последней главе его книги. По мнению В. В. Бычкова, в основе эстетических представлений христиан лежал постулат о боге, созидающем мир как огромное произведение искусства по заранее намеченному плану. В. В. Бычков выделяет следующие особенности раннехристианской эстетики «космического творчества»: во-первых, эта эстетика имела своим прообразом творчество земного художника; во-вторых, апологеты призвали значительно больше ценить самого художника, чем творение его рук; в-третьих, эстетика космического творчества на первое место выдвигала создание красоты; в-четвертых, понимание человека как произведения искусства связывало духовно-правственную сферу с эстетической; наконец, в-пятых, сравнение человеческого общества с универсумом позволяло осудить несовершенство первого. Таким образом, автор показывает, что эстетические воззрения непосредственно входили в общую систему мировоззрения ранних христиан.

В эстетической проблематике автор считает самыми важными концепцию прекрасного и концепцию образа. Эстетический идеал апологетов — природная красота и совершенство всех элементов мира. Что касается человека, то в центре внимания апологетов была красота нравственная. В этом отношении интересен анализ представлений о внешнем облике Иисуса: с одной стороны, у апологетов проводится мысль о невзрачности телесного образа Христа, с другой — мысль об отражении духовной красоты в его внешнем облике. Обе эти идеи, как утверждает автор, находят свое отражение в дальнейшем художественном творчестве средневековья (первая — в западном, вторая — в восточнохристианском искусстве).

В. В. Бычков останавливается на понятии безобразного; он убедительно показывает, что христиане придавали этому понятию особую знаковую функцию («и бог тогда предельно велик, когда [кажется] людям ничтожным» — Тертуллиан). Завершает последнюю главу книги исследование проблемы образа в христианской эстетике; автор выделяет у апологетов три типа образов: миметические, символически-аллегорические и знаковые и характеризует каждый из этих типов.

В небольшой рецензии трудно перечислить все аспекты культурологии и эстетики ранней патристики, которые осветил в своей работе В. В. Бычков. Одной из наиболее важных заслуг автора представляется его подход к эстетическим проблемам поздней античности, благодаря которому ему удалось выделить в творчестве апологетов основные эстетические проблемы, которые позже оказались в центре внимания средневековой художественной культуры; можно сказать, что рецензируемое исследование открывает новую страницу в изучении раннехристианского мировоззрения. Хочется отметить также прекрасный язык, ясность изложения, присущие книге В. В. Быčkoва.

Автору могут быть адресованы отдельные замечания. Пожалуй, наименее разработанной представляется первая глава книги. Тезис о том, что христианство — естественный продукт эллинистической культуры, не получил, как нам кажется, подлинного развития и обоснования. Возможно, это произошло потому, что в отличие от остальных глав описание особенностей позднеантичной культуры не составляет системы, а распадается на отдельные примеры. Наиболее ярко в этой главе дано сопоставление греческого и ближневосточного (библейского) восприятия мира. Правда, следует заметить, что некоторые исследователи, в том числе и советские (И. П. Вейнберг), выступают против самой возможности со- и противопоставления понятий *олам*-космос для демонстрации различия между ветхозаветным временным и древнегреческим пространственным мышлением, поскольку эти понятия находятся на разных таксономических уровнях. Можно сказать также, что краткая характеристика религиозной жизни периода возникновения христианства не отражает всей ее сложности, особенно для восточных провинций. В литературе было высказано мнение (например, Дж. Тейксидором), что мистериальные культы среди населения Ближнего Востока были не столь распространены, как это принято думать.

Однако, несмотря на эти замечания, в целом рецензируемая книга заслуживает самой высокой оценки.

И. С. Свенцицкая